

«Двенадцатая ночь»

Сцена из спектакля «Двенадцатая ночь». Оливия — артистка Джеральдин Макюзн, Виола — артистка Дороти Тьютин.
Фото В. ЕГОРОВА (ТАСС).

Спектакль Шекспировского мемориального театра

«О, какая дивная поэзия заключена в провинциях Британии! Часто кажется, что ты находишься в golden days of merry England и вот-вот увидишь Шекспира с ружьем за плечом, крадущимся в кустарниках за чужой дичью, или же удивляешься, что на этой зеленой дужайке не разыгрывается в действительности одна из его божественных комедий. Ибо где бы ни происходило в его пьесах действие — в Италии, Франции или Наварре, — по существу, перед нами всегда merry England, родина его чудачких простотюдинов, его умничающих школьных учителей, его милых, странных женщин; на всем видишь, что действие может происходить только под английским небом».

Автора «Двенадцатой ночи», как известно, не смущали заботы о чистоте жанра. Вдохновенную лирику любви он смело совмещает с проперченными, грубоватым юмором; развеселые комедийные сцены перемежаются эпизодами, исполненными истинного драматизма; в монологах просвещенного Шута (в исполнении Сирила Лакхэма — это один из самых интеллигентных шутов шекспировской сцены) профессиональное остроумие уживается с философической меланхолией. Мир комедии многокрасочен и многозвучен. И театр должен передать всю его сложную полифонию, ибо жизнелюбие Шекспира, истинно ренессансная вера в человека, в безграничность его возможностей и способностей воплощены и в воспевании любви, и в безудержном фальстафовском шутовстве, и в гневно-презренном к ханже Мальволио, в роли которого выступает Марк Дигнем.

Естественно, что каждый театр,

каждый постановщик ищут в комедии Шекспира свои любимые мотивы. В спектакле Мемориального театра фальстафовский фон как бы перестает быть фоном, тут решительно выдвинуты на первый план эпизоды и колоритные сцены, связанные с Тоби Белчем (Патрик Уаймарк).

Душой пестрого общества, группирующегося вокруг толстого сэра Тоби, становится Марил. Эта маленькая и по виду хрупкая женщина неистощима на выдумки. Энергия ее беспредельна. Она поспевает всюду, и всюду она нужна, как дрожжи в тесте. И то, что именно ей удается стать не только инициатором, но и организатором заговора против Мальволио, кажется очень естественным для той Марии, какой играет ее молодая актриса Миранда Коннел. Колоритный и очень неожиданный для исполнителя роли Ромео образ сэра Эндрю Эйгчика создает Ричард Джонсон.

Сцены, которые ведет компания сэра Тоби, решены в спектакле остро (чего стоит хотя бы очень смешная дуэль сэра Эндрю с Виолой!), однако чувствуется, что режиссер ставит довольно строгие рамки заострения. Щедро используя комедийные краски, он избегает фарса и гротеска, вполне, разумеется, возможных в постановке «Двенадцатой ночи». Порой эта сдержанность даже приглушает сатирическую ноту в обличении Мальволио.

Словно компенсируя себя за сдержанность «фальстафовских» сцен, режиссер неожиданно раздвигает границы смешного в изображении Оливии. В исполнении Джеральдин Макюзн она далека от лирической и томной Оливии, какой ее обычно изображают. Это капризная барышня с каким-то уж очень глупым, скрипучим голосом и вычурными манерами. Она очень настойчива, если не сказать больше, в своих матримонимальных претензиях. Актриса ведет свою роль мастерски, с точным ощущением найденного образа, но самое решение представить Оливию жеманной дурочкой вызывает серьезные сомнения. Я знаю, что оно имеет своих сторонников. Очевидно, их увлекло стремление театра уйти от канонических решений и назойливого шаблона. Но, увлеченные повизной найденного режиссером и актрисой характера, они, думается мне, забывают, что при такой трактовке образа Оливии очень трудно оправдать отношение к ней тех, с кем она встречается.

Ну, допустим, ослепление Орсино еще можно как-то объяснить. Орсино и у Шекспира любит Оливию несколько отвлеченно; это скорее самовнушение, любовная экзальтация, нежели живая страсть. В исполнении Майкла Мичэм образ приобретает еще большую отвлеченность. Его Орсино может и не вслушиваться в голос Оливии, не всматриваться в нее, — его любовь парит где-то в романтических высях; земной, человечески конкретной она станет только тогда, когда Орсино разгадает тайну Виолы, оценит ее страсть и эта страсть вызовет ответные движения в его сердце.

Но как поверить в ослепление умной и тонкой Виолы? Она-то не может не видеть всей комичности Оливии. А Шекспир не дает Виоле текста для насмешки... Вот и получается, что Виола и Оливия идут как бы по параллельным путям, которые, как известно, никогда не перекрещиваются: каждая ведет свою «партию» без всякой взаимной «пристройки».

И уж совсем непонятно, как могла Оливия с ходу покорить Себастьяна (Иен Холм): ее смешное жеманство, глупость и агрессивность в устройстве своего замужества бросаются в глаза с первой же минуты их встречи.

Комедия имеет свою логику, могут сказать защитники новой трактовки образа Оливии. Все это так, но не может логика комедии настолько уж решительно противостоять простой жизненной логике человеческих отношений...

В результате неожиданного переосмысления образа Оливии Виола остается единственным, по

сути дела, носителем лирической темы спектакля.

Виола (Дороти Тьютин) любит Орсино преданно и самозабвенно. Оливия для нее соперница, но она искренне борется за Оливию для Орсино: счастье любимого ей настолько дорого, что она готова всем пожертвовать ради него. Оставаясь в рамках комедии, актриса придает чувству своей Виолы истинно драматическую силу и возвышенность. Поэзия любви в образе, создаваемом Дороти Тьютин, звучит мощно и волнующе.

В «Двенадцатой ночи» отчетливо проявилась одна из коренных особенностей шекспировской драматургии — резкое разграничение и противопоставление характеров. Театр хорошо чувствует эту особенность комедии, решал центральные образы спектакля с той степенью определенности, какая отвечает поэтике Шекспира. Непонятно только, почему театр не идет до конца по найденному им пути. В спектакле «Двенадцатая ночь» острота и динамичность столкновений главных героев нередко соседствуют с неподвижностью фигур второго плана. В таких случаях жизнь на сцене не приобретает той естественной всеобщности, когда каждый переживает происходящее в меру своего темперамента, по логике своего характера.

Герои на первом плане живут, действуют, остальные довольствуются ролью почти неподвижных статистов. Не противоречит ли это законам шекспировизации сценического зрелища?

Спектакль «Двенадцатая ночь» при всей спорности некоторых режиссерских и актерских решений с интересом встречен москвичами. Зрители, любящие и знающие Шекспира по многочисленным советским постановкам, не могли не оценить высокую культуру Мемориального театра. Истинное наслаждение доставляет работа театра над сценическим словом, помогающая понять в тончайших отпелках внутреннюю поэзию шекспировской речи. Мастерство и правдивость актерского исполнения большинства ролей, выразительная точность оформления, воссоздание атмосферы, в которой живут шекспировские герои, — все это определило успех постановки. Что же касается наших критических замечаний, так они естественны при дружеской прямоте отношений между людьми, искренне заинтересованными в развитии культурных связей наших стран.

А. КАРАГАНОВ.

А3

В3